

Да, воистину так. Кого можно обрести и стоящим, Он никогда не возьмет распростертым, ибо благодать Божия созерцает все вещи в [их] совершенстве.

Тут спрашивали: отчего в таком случае Бог не призывает людей, о которых Он знает, что им предстоит отпасть от благодати крещения, чтобы они умерли в своем детстве, пока еще не пришли к применению разума, — раз Ему о них ведомо, что они падут и вновь не восстанут; ведь это было бы их наилучшим?

Тогда я сказал: Бог — не разрушитель всякого блага, а исполнитель. Бог — не разрушитель природы, а ее завершитель; и благодать не разрушает природу, она ее завершает. Если Бог нарушит природу в самом начале, то над ней свершится насилие и беззаконие, сего Он не делает. Человек обладает свободной волей, посредством которой он может выбирать благо и зло. Господь предлагает ему в злодеянии смерть, а в благодеянии жизнь. Человек должен остаться свободным и властвовать над всеми своими деяниями цельно и непринужденно. Благодать не отменяет природу, она ее завершает. Преображение не отменяет благодать, оно ее завершает, ибо преобразование есть исполнение благодати. Итак, в Боге нет ничего, что разрушало бы что-то, имеющее каким-либо образом бытие, но Он есть завершитель всего. Так же и мы не должны в себе разрушать никакое, даже самое малое благо, даже незначительный путь ради великого, но должны возводить его к Наивысшему⁵⁹.

Тут говорилось об одном человеке, который однажды решил начать новую жизнь, и я сказал в таком роде: что человеку следует стать человеком, ищущим Бога во всем и обретающим Бога во всякий час и на любом месте и при всех людях во всех образах. В этом можно всегда возрастать беспрерывно и расти, никогда не приходя к концу возрастания.

23. О внутренних и внешних делах

Положим, некий человек со всеми своими внутренними и внешними силами возжелал войти в себя самого, и он находится в таком состоянии, что в нем нет никаких образов и никаких понуждающих устремлений, и так он остается без всякого дела, внутреннего, а равно и внешнего. — В этом случае надо подумать, не подвигнет ли сие само по себе к действию. Если получится так, что человека не тянет ни к какому деланию, и он не захочет ничего предпринять, то следует себя к деланию, будь оно внутренним или внешним, принудить. Ибо человек не должен себя оставлять чем-либо довольным, каким бы хорошим это ни было и ни представлялось. И где человек иной раз окажется под принуждением или ограничением, пусть люди увидят, что он скорее здесь задействован, нежели действует сам, и что он учится сотрудничать со своим Богом. Не то чтобы надо отпасть, изменить или отречься от своей внутренней сути, нет, но надлежит в ней и с ней и из нее научиться действовать так, чтобы сокровенное изводить в действие, а действие вводить в сокровенное, привыкая подобным образом без принуждения делать. Ибо должно направить свой взор на сие сокровенное дело и из него вовне действовать, идет ли речь о чтении, о молитве или о каком-то, если случится, внешнем труде. Однако если внешнее делание захочет отменить сокровенное, то сокровенному следуй. А если оба сумеют совпасть, то это было бы наилучшим, чтобы сотрудничать с Богом.

Теперь вопрос: какое еще сотрудничество может иметь человек, коль скоро он [уже] отказался от себя самого и всех дел, — как сказал святой Дионисий: тот наивысочайше рассуждает о Боге, кто от полноты внутреннего богатства может о Нем наиглубочайше молчать⁶⁰, — и коль скоро отпадают образы и дела, хвала и благодарность или то, что еще